

**Секция 7.
Беларусь, Россия, СССР:
потенциал изучения**

УДК 93/94+82-6

Т. А. Грушина,
*Ярославский государственный
педагогический университет им. К. Д. Ушинского,
Ярославль, Россия¹*

**«Я НИКОМУ НЕ ПИСАЛА ТАК, КАК ВАМ...
ВЫ МЕНЯ ПОНИМАЕТЕ ЛУЧШЕ, ЧЕМ КТО-ЛИБО»:
ГАЛАНТНЫЙ ДИСКУРС В ПИСЬМАХ ЕКАТЕРИНЫ II
К БАРОНУ ГРИММУ**

В исследовании предпринимается попытка определить особенности формирования и развития галантного дискурса в переписке Екатерины II с Фридрихом Мельхиором Гриммом – одним из доверенных лиц императрицы. Введенное в историческую науку французскими историками А. Виала и Д. Дени понятие «галантный дискурс» применяется к историческому и политическому контексту XVII–XVIII столетий, что позволяет использовать его при изучении переписки Екатерины II с европейскими философами. Являясь особым каналом влияния, галантный дискурс создавал правила повествования и особую риторику коммуникации. Екатерина II как выразительница идеологических установок и авторских стратегий не только включалась в галантный дискурс, но и создавала его. Исследование переписки императрицы и немецкого просветителя позволяет определить признаки и особенности формирования галантного дискурса в Российской империи конца XVIII века и его значение в политической культуре Просвещения.

Ключевые слова: эпоха Просвещения; галантный дискурс; XVIII век; Екатерина II; Фридрих Мельхиор Гримм; личная переписка

Сведения об авторе: Грушина Татьяна Анатольевна, магистрант кафедры методики преподавания истории и обществоведческих дисциплин, Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского; 150000, Россия, г. Ярославль, Которосльская наб., 46в; tanuagrushina@yandex.ru

¹ Научный руководитель: Соколов Андрей Борисович, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой методики преподавания истории и обществоведческих дисциплин, Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского (Россия, г. Ярославль).

*T. A. Grushina,
Yaroslavl State Pedagogical University
named after K. D. Ushinsky,
Yaroslavl, Russia*

**“I HAVE NEVER WRITTEN TO ANYONE AS I HAVE
WRITTEN TO YOU... YOU UNDERSTAND ME BETTER
THAN ANYONE”: GALLANT DISCOURSE IN THE LETTERS
OF CATHERINE II TO BARON GRIMM**

The study attempts to identify the peculiarities of the formation and development of gallant discourse in the correspondence between Catherine II and Friedrich Melchior Grimm, one of the empress's confidants. The concept of “gallant discourse” introduced into historical science by French historians A. Viala and D. Denis is applied to the historical and political context of the 17th–18th centuries, which allows us to use it when studying the correspondence between Catherine II and European philosophers. Being a special channel of influence, gallant discourse created the rules of narrative and a special rhetoric of communication. Catherine II, as an exponent of ideological attitudes and authorial strategies, was not only included in the gallant discourse, but also created it. The study of the correspondence of the Empress of the German Enlightenment allows us to determine the signs and features of the formation of the gallant discourse in the Russian Empire of the late 18th century and its significance in the political culture of the Enlightenment.

Keywords: Age of Enlightenment; gallant discourse; 18th century; Catherine II; Friedrich Melchior Grimm; personal correspondence

About the author: Grushina Tatyana Anatolievna, Master's Degree Student of Department of Methods of Teaching History and Social Sciences, Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky, Russia, Yaroslavl

Изучение эпистолярных источников XVIII столетия – довольно плодотворная тема для исследований. Появление недоступных ранее частных писем многих известных деятелей культуры, науки и искусства открыло перед учеными обширное поле для исследований по историческим, лингвистическим, психологическим, педагогическим и философским темам. Проблема заключается в необходимости корректного интерпретационного подхода ко многим из этих вопросов, что позволяет по-разному трактовать один и тот же текст.

Объектом данного исследования является многолетняя переписка Екатерины Великой с немецким публицистом Фридрихом Мельхиором Гриммом. При анализе корреспонденции перед исследователями стоит ряд вопросов: какую характеристику Екатерина Великая дает в письмах себе и своему окружению, насколько это соответствует ее реальному характеру и политике; какие цели ставит русская правительница, написав

письмо, какие психологические и риторические приемы она использует для достижения этих целей, какой язык она использует в своих письмах и, наконец, какие смыслы мог прочитать в письмах ее корреспондент?

Эпистолярный жанр XVIII столетия имеет ряд особенностей. Исследователи О. А. Шапиро [5], А. В. Кожеко [2], характеризуя особенности жанра, отмечают содержательный характер переписок, связанный с обсуждением идей, мировоззренческих позиций, эмоциональных состояний. В контексте исследования следует отметить роль самой императрицы и ее языковой личности. Ряд работ исследователей сосредоточен на изучении роли языковых приемов в письмах и работах монарха, отмечается «важнейшая отличительная черта языковой личности Екатерины Второй – лингвокреативность, проявляющаяся в стремлении к словотворчеству» [2, с. 87]. Все это достаточно эффективно воздействовало на ее корреспондентов, усиливая ценность переписки.

Под «галантным диалогом» во французской литературе и французском искусстве преимущественно XVII–XVIII вв., разрабатываемым французскими исследователями категории галантности (А. Виала, Д. Дени, К. Казанав), понимается не только особый тип эстетики, поэтики или стилистики писателя, но и способ конструирования образов автора и читателя и авторская стратегия реализации просветительской доктрины Екатерины II [9, р. 42].

В процессе анализа переписки Екатерины II с бароном Гриммом выявляется еще одна языковая стратегия письма – «галантный диалог». Галантный дискурс XVIII столетия подробно изучается французскими исследователями. Д. Дени, К. Казанав изучали роль галантного дискурса во французской литературе и французском искусстве, в основном в XVII и XVIII веках. По мнению Д. Дени, стиль автора состоит из таких стилистических элементов, как игривость, почитание, лесть и легкость [8, р. 201]. Эти два качества отражаются в переписке Екатерины II в виде авторской искренности, ясности и одновременно постоянного ощущения, что скрыто что-то важное и интересное. Авторская недосказанность формировала у корреспондента особое читательское восприятие текстов писем, выполняя особую социальную функцию.

К. Казанав выделяет особую назидательность и жизнерадостность текстов, соответствующих пониманию галантного дискурса, отмечая, что Екатерина II изменяет масштаб своих текстов, так как даже ее личная корреспонденция фактически была адресована широкому кругу читателей [7, р. 114] (об этом она сама признается Гримму [4, с. 62]). Исследуя авторские стратегии письма императрицы, исследователь отмечает особые сатирические и памфлетные приемы в текстах. Высмеива-

ние представлялось в шутовском, беззлобном тоне, дабы показать окружение Екатерины с бытовой стороны; часто в переписке с Гриммом такими людьми становятся Г. Потемкин, Орлов, мадам и наследный принц Гессен-Дармштадский и ее внук Александр [4, с. 109, 178, 231]. Моменты, когда автор легко и равнодушно рассказывает о важных фрагментах ее жизни – рождении наследника, возможности получить российский престол, – это моменты, которых достаточно мало. В то же время мелочи жизни – личные эмоции, тонкости взаимоотношений с окружающими – в сильно преувеличенном виде появляются в каждом письме, подчеркивая авторский восторг от личного контакта с корреспондентом.

Стоит подробнее остановиться на фигуре Фридриха Мельхиора Гримма и его присутствии в жизни императрицы. Немецкий публицист, которому суждено было стать одной из ключевых фигур в культурных отношениях между Россией и Западом в конце XVIII века, дважды посетил Россию – в 1773–1774 и 1776–1777 годах. Познакомившись с императрицей через князя Д. А. Голицина, Гримм стал корреспондентом Екатерины II в Париже, т. е. человеком, который мог бы регулярно сообщать ей качественные новости о культурной жизни столиц просвещенных стран Европы (практика, весьма распространенная в XVIII веке) [3, с. 89]. Началом их «эпистолярных» отношений следует считать подписку императрицы на «Литературную корреспонденцию», выпускаемую Гриммом в 1763 году. В 1764 году Гримм начал вести с императрицей прямую переписку, которая стала важным каналом связи между парижским «философским» сообществом и Екатериной II. Из этих писем ясно, что Гримм, с одной стороны, старался обратить внимание на свои сочинения и даже был готов адаптировать их содержание к ее предпочтениям. Что особенно важно в то время, он выступил в качестве посредника при покупке библиотеки Д. Дидро в 1765 году.

Осенью 1773 года Гримм прибыл в Санкт-Петербург в составе свиты кронпринца Людвига Гессен-Дармштадтского. Мать принца, Каролина, герцог Гессен-Дармштадтский, а впоследствии и сама императрица считали Гримма специалистом по образованию и воспитанию аристократической молодежи, остроумным собеседником, человеком, знающим, как вести себя при дворе. В Петербург он прибыл с рекомендательным письмом от принца Генриха Прусского, которым Екатерина II очень восхищалась. У Екатерины были свои причины принять Гримма во дворец: она хотела, чтобы он стал «добрым другом» императрицы. Позднее императрица напишет: «если вы считаете вздором и болтовней все тексты, которые вы посылали мне на протяжении восьми

лет, предшествовавших вашему приезду [в Петербург], вы глубоко заблуждаетесь, поскольку чтение этих листков доставляло мне огромное удовольствие...» [4, с. 74].

К середине 1770-х годов Гримм перестал заниматься журналистикой и работать редактором и стал дипломатом и агентом государственных лиц, а впоследствии и доверенным лицом Екатерины II. В то же время императрица, всегда высоко ценившая преданность Гримма и его способность оказывать ей разнообразные ценные услуги, сожалела об уходе Гримма с поста редактора «Литературной корреспонденции».

Ф. Шлойбах отмечает недостаточность исследований биографии немецкого публициста. Присутствует ряд исследовательских лакун при подробном изучении и анализе переписки Екатерины Великой и Гримма, которая знакома лишь узким специалистам [6, с. 61]. Переписка велась с 1764 по 1796 годы, составляя около 430 писем. В их переписке обсуждались дипломатические новости, династические дела, придворные сплетни, судьбы исторических личностей, произведения, книги, рукописи и библиотеки философов, художников, музыкантов или художественные произведения. Впервые переписка была опубликована Я. Гротом в 1878 году, постепенно дополняясь новыми письмами, найденными в семейных архивах приближенных императрицы.

Наиболее важным аспектом эпистолярного обмена является политическая составляющая текстов Екатерины Великой. В этих письмах на первый план выходит прагматическое измерение языковой личности императрицы. В своих письмах Екатерина Великая создает у Гримма впечатление своего превосходства, подчеркивая, что она «всего лишь его добрый друг, а не жесткий правитель» [4, с. 89]. Гримм восхищался Екатериной, был искренен в своих оценках и личном отношении к императрице.

С помощью семантического анализа текста установлено, что письма Екатерины II отражают ее авторскую позицию, создавая образ просвещенной правительницы, которая стремится управлять страной гуманно, направляет ее политику и, как следствие, повышает престиж России в глазах не только корреспондентов, но и всего просвещенного сообщества. Во многом переписка с конца 1770-х годов начинает носить полушутливый, саркастичный характер. Несмотря на то, что Гримм был так занят государственными и частными делами, он находил время для обмена большим количеством личных писем с Екатериной Великой. Сумев снискать расположение императрицы, публицист крайне осторожно относился к просьбам Екатерины вступить на русскую службу. Элегантно отклоняя все предложения императрицы, Гримм тем не ме-

нее будет подчеркивать важность письменного общения с ней: «Я никогда не думал, чтобы милости (*les bontes*) ко мне могли продолжаться так долго, именно, чтобы вы поддерживали со мною переписку столь правильно, это какое-то чудо и оно кажется мне сновидением» [1, с. 84].

Ловко обходя описание политических решений, Екатерина тем не менее кратко описывала свои мысли по поводу внешней политики империи. Екатерина II сообщает о своих политических шагах и целях и получает одобрение со стороны влиятельного образованного иностранца. В этой части Екатерина подробно описывает свое путешествие в Тавриду, войну с Турцией и Швецией, отношения с Англией и свою точку зрения по вопросам Польши. Помимо этого, корреспондент интересовался внутренними делами, в частности Пугачевским восстанием. Екатерина II, не желая посвящать корреспондента в такие вопросы, галантно указывает итог такого события, при этом заранее зная, что это письмо прочтет не только Grimm, создает образ милосердной государыни:

«Письмо мое начинает походить на болтовню после восьми часов в Царском Селе. *Глупцы, которые прочтут его прежде васъ, могут счесть непристойным, что такие важные особы, как вы и я, пишем подобные письма...* посему из уважения к глупцам, которые читают письмо, желаю вам доброго здоровья и счастливого пути. Оренбург освобожден, и как я предсказывала, **комедия кончится кнутом и виселицею, к которым я не чувствую склонности больше прежнего...**» [4, с. 93].

Довольно много Екатерина пишет жалоб о своем здоровье и усталости от редактирования законов, иронично называя это «законобесием» и «графоманством». Вот что она пишет об этом в письме от 12 апреля 1775 г.: «...я вам скажу, что рано или поздно умру от многописания: никогда в жизни не приходилось мне так много писать как здесь. Теперь *царапаю* прекрасные, красноречивые указы, которые прескверно будут переведены, так как в них мыслей больше, чем слова у переводчиков обыкновенно бывает больше слов, нежели мыслей...» [4, с. 115]. В посланиях используются такие риторические приемы, как гипербола, риторические вопросы, эпитеты, метафоры и сравнение.

Таким образом, наследие переписки русского правителя – это урок правильного отношения к адресату, эффективного общения, реализации поставленных целей и задач, а также наслаждения образным и изящным выражением мыслей. Существенными чертами «галантного диалога» являются: демонстрация творческих возможностей гуманности и просвещенности, а значит, его выражение в литературной форме; особая форма донесения идей до корреспондента; уважительно-почтительная форма обращения; повышение статуса собеседника и собеседницы и

ироническое и творческое представление дуалистического начала в письмах.

Екатерина Великая воспринимала Гримма интересным интеллектуалом и эрудированным собеседником. Немецкий публицист, разумеется, всегда помнил, кому пишет, и умел польстить даже в самых шуточных предложениях. Эта переписка двух умных корреспондентов приближается к интимной переписке.

Список литературы

1. Бумаги императрицы Екатерины II, хранящиеся в Государственном архиве Министерства иностранных дел // Сборник Императорского Русского исторического общества, Императорское Русское историческое общество. СПб., 1868, Т. 3.

2. Грот Я. К. Екатерина II в переписке с Гриммом. СПб. : Тип. Имп. Акад. наук, 1879–1884. 338 с.

3. Кожеко А. В. Эпистолярные жанры: традиционные и современные формы // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 2-3. С. 85–115.

4. Письма Императрицы Екатерины II барону Мельхиору Гримму (годы с 1774 по 1796). Сообщено из государственного архива Министерства Иностранных Дел в С.-Петербурге // Сборник Императорского Русского Исторического Общества. Т. 23 / Изд. и снабдил предисловием акад. Я. К. Грот. СПб. : Тип. Имп. Акад. наук, 1878.

5. Шапиро О. А., Шкорубской Е. Г. Трансформация эпистолярного жанра в современной текстовой культуре // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2016. № 4. С. 257–265.

6. Шлобах Й. Фридрих Мельхиор Гримм и Екатерина II // Русские и немцы в XVIII веке: встреча культур / отв. ред. С. Я. Карп. М., 2000. С. 59–63.

7. Cazanave C. Dialogue in the Classical Age. A Study of Dialogic Literature in 18th Century France. Paris : Champion, 2007. 608 p.

8. Denis D. The Parnasse Galant. The Establishment of a Literary Category in the 18th Century. Paris : Honore Champion, 2008. 400 p.

9. Viala A. La France galante. Paris : PUF, 2008. 540 p.